

Р О С С И Я

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ПОРОЖЕЦКИЙ

В числе обвиняемых по делу тихвинских священнослужителей в январе 1931 г. был дьякон Владимир Петрович Порожецкий. Основную информацию об этом человеке нам предоставила его внучка — Ирина Анатольевна Порожецкая.

Фамилия, которую носили Порожецкие, произошла, скорее всего, от названия села Порожки (ныне Волоотовский район Новгородской области), в котором на Порожецком (Порожском) погосте в храме Благовещения Пресвятой Богородицы в 1861 году был заштатным дьяконом Максим Иоаннович Порожецкий (1814–1861). Его отец тоже был дьяконом и, возможно, служил в этой же церкви. А его сын, Пётр Максимович Порожецкий — отец Владимира, уехал со своей малой родины. Известно, что в 1882 году он был исправляющим должность псаломщика при Новгородской Дмитриевской церкви¹.

У Петра Порожецкого было пять сыновей и три дочери. Все сыновья избрали путь служения Богу и тоже стали дьяконами, иногда исправляющими должность псаломщика. Степан служил в д. Бабино Боровичского уезда, Павел — в Никольском соборе Новгорода (по ходатайству благочиннического совета он был представлен в 1917 году к архипастырскому благословению)², Иван — в церкви на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, Константин — в селе Крылово Осинского района Пермской губернии. Владимира судьба приведёт в Тихвин. Жизнь каждого из сыновей в годы советской власти складывалась непросто. Известно, что трое из них подверглись репрессиям.

Павел Петрович Порожецкий был арестован вместе со священником Владимиром Борисовым 11 марта 1925 года за то, что вместе с ним служил молебен перед обновившейся в деревне Въезды иконой³. Константина Петровича арестовали 18 марта 1930 года. Он был осуждён 16 мая 1930 г. тройкой при ПП ОГПУ по Уралу к восьми годам концлагерей⁴. Дальнейшие их судьбы неизвестны. Об их брате Владимире речь пойдёт ниже.

Владимир Петрович Порожецкий родился в 1885 году в Новгороде. В юности он задумывался о том, чтобы избрать иноческий путь и стать монахом. Поэтому после окончания земской школы и двух классов Новгородского духовного училища он поступил послушником в один из монастырей Новго-

родской епархии, где в течение нескольких лет исполнял разные послушания — выполнял те или иные работы в храме и по монастырскому хозяйству. Но в 1906 году он, видимо, был призван на военную службу и попал служить во флот. Его морская служба продолжалась семь лет, условия её были очень тяжёлыми. На флоте Владимир подорвал своё здоровье и, вернувшись в 1913 году домой, целый год болел. В 1914 году началась Первая Мировая война, и несмотря на состояние здоровья, Владимира в тот же год призвали на фронт. Поскольку он был человеком грамотным, был способен быстро осваивать технику, новые формы ведения боевых действий, требовавшие инициативы, то был назначен командиром артиллерийского отряда. В действующей армии он пробыл до 1917 года⁵.

Вернувшись с фронта, он поселился в селе Голино, где стал работать заместителем начальника лесозаготовок. Село располагалось в одном из красивейших уголков Новгородской губернии — при впадении реки Шелонь в озеро Ильмень. До Новгорода было сорок верст, до ближайшей железнодорожной станции — восемь. В селе проживало более тысячи человек, которые занимались главным образом земледелием. Подсобными занятиями у них были рыбная ловля и торговля, а также горшечный промысел. В Голино было четыре горшечных завода, три мелочных лавки, земская школа⁶ и очень красивая Петропавловская церковь с высокой колокольней и пятью позолоченными куполами-луковками. Село было богатым, почти все избы были с мезонинами и украшались ажурной резьбой⁷.

Там Владимир познакомился с учительницей земской школы Анной Васильевной Богдановой. Анна в 1904 году окончила Деревяницкое епархиальное женское училище, дававшее девочкам прекрасное образование. В училище преподавали Закон Божий, русский и церковно-славянский язык, арифметику, геометрию, географию, церковную историю, гражданскую историю, физику, педагогику, церковное пение, рукоделие, хозяйство⁸. На уроках русского языка, помимо изучения грамматики и основных правил русского языка, чтения и пересказа, девочки писали сочинения, размышления, письма и описания. Воспитанницы вели наблюдение за детьми, изучали основы обучения, физического воспитания, ухода за

Анна Васильевна Богданова

больными. Проводились практические занятия. При училище существовала образцовая церковно-приходская школа, на базе которой была организована педагогическая практика.

Видимо, Владимир Петрович был незаурядным, интересным и достойным человеком, если Анна Васильевна решила связать с ним свою судьбу. Им обоим было уже за тридцать, и они обдуманно принимали решение о браке.

В 1918 году в семье родилась дочь Зоя, а в 1920 году — сын Анатолий. Время было тяжёлое и голодное. Владимир Петрович сначала служил в железнодорожной охране, а с 1920 по 1922 годы работал учителем в школе.

Но в 1922 году, когда в советской России набирали силу антирелигиозная пропаганда и гонения на священно- и церковнослужителей, когда из храмов изымались церковные ценности, он вдруг принимает непростое решение — начать служение в голинском храме апостолов Петра и Павла.

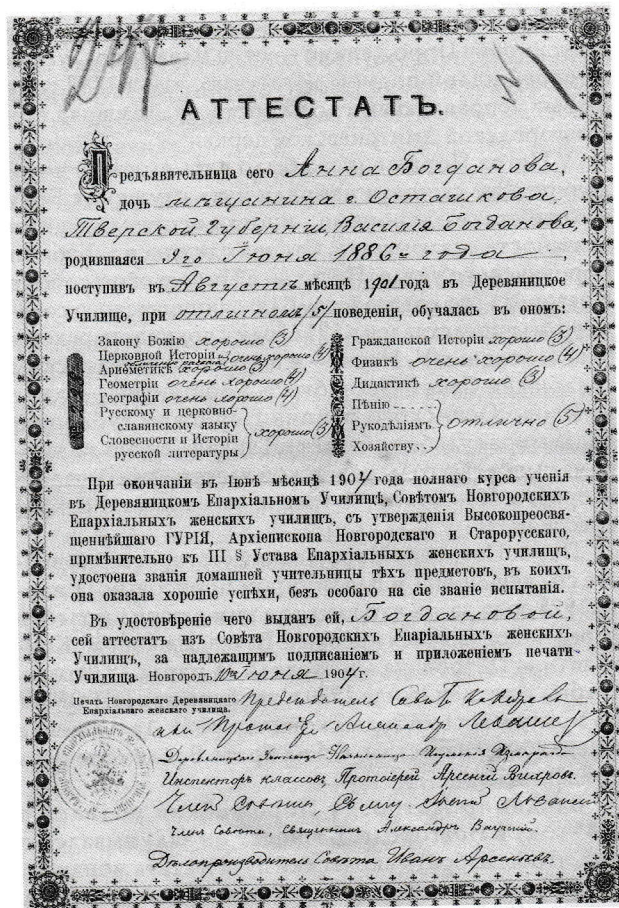
Это решение тут же отразилось на судьбе семьи: Анну Васильевну как жену служителя культа уво-

лили из школы. Но Владимир Петрович продолжал служить в церкви. В Голино Порожецкие прожили десять лет. В 1928 году семья переехала в Тихвин, и Владимир Петрович стал служить дьяконом в кладбищенской церкви Иова Многострадального.

В то время и он, и его жена были лишены избирательных, а значит, по сути, и всех гражданских прав. Родственников в Тихвине у них не было. В списке лишённых прав на 1930 году указан адрес, по которому они проживали — улица Римского-Корсакова, дом 30°. Дом по этому адресу принадлежал священнику Василию Войку. Приютил ли он Порожецких, снимали ли они у него комнату или просто были прописаны, пока неизвестно.

В школе работать Анне Васильевне не разрешили. Чтобы уберечь от преследований детей, учившихся в фабрично-заводской семилетке, в 1929 году Порожецкие официально развелись, но продолжали жить вместе. В 1930 году Анна Васильевна устроилась работать сторожем на Тихвинское городское кладбище. Получала она за свою работу 30 рублей в месяц. Видимо, именно с этого времени у семьи появилась своя крыша над головой — они стали жить в сторожке. Тучи над головой продолжали сгущаться. Детей решили отправить на некоторое время к родственникам в Ленинград.

Причт церкви Иова Многострадального и её прихожане с весны 1930 г. стали придерживаться иосифлянского течения, которое властями расценивалось

Аттестат А.В. Богдановой

Предположительно, Владимир Порожецкий, его мать и его жена Анна Васильевна. Но, может быть, это брат Анны Васильевны и их мать

как враждебное советскому строю. Во время богослужений поминалось имя опального в то время митрополита Иосифа (Петровых), а не митрополита Сергия (Страгородского), призывавшего верующих к лояльному отношению к советской власти. В храме, в котором служили священник Василий Войк, иеромонах Пимен (Бутылкин), дьякон Владимир Порожецкий и иногда по праздникам заштатный протоиерей Николай Васильевский, возносились молитвы за церковных иерархов, которые находились в концлагерях. Это не могло пройти для священнослужителей бесследно и остаться безнаказанным.

Церковь Иова Многострадального

Поздним вечером 14 января 1931 года в кладбищенской сторожке, где проживал дьякон Владимир Порожецкий, был произведён обыск. Искали оружие, антисоветскую литературу. Хотя ничего не нашли, его арестовали и заключили в Тихвинский Домзак. Врач при медицинском осмотре поставил диагноз: «Нервное расстройство, падучая болезнь, грыжа» и рекомендовал ему лёгкий физический труд. В тот же день был арестован священник Василий Войк. Протоиерей Николай Васильевский к тому времени находился в тюрьме уже неделю. Через три недели арестуют и иеромонаха Пимена (Бутылкина), последнего из священников, служивших в Иовской церкви.

На единственном допросе, в ходе которого Владимиру Петровичу не было задано ни одного уточняющего вопроса, кроме касающихся его биографии, он сказал следователю, что в «иосифлянский раскол» церковь Иова Многострадального перешла с весны 1930 года, согласно постановлению двадцатки или общего собрания верующих. В церкви служили священник Василий Войк и он, а в праздничные дни к ним

Церковь апостолов Петра и Павла в с. Голино. Начало XX века

присоединялись священник Николай Васильевский и иеромонах Пимен. Со стороны благочинного им было предложено помянуть митрополита Сергия. Они были предупреждены, что в противном случае они будут в запрещении. Но они, тем не менее, продолжали помянуть митрополита Иосифа, потому что «этого желала двадцатка», инициатива исходила от её председателя и некоторых членов¹⁰. Вот и весь допрос.

10 февраля 1931 года тройка ПП ОГПУ в ЛВО постановила заключить Владимира Петровича Порожецкого на пять лет в концлагерь (СЛАГ г. Кемь), считая срок с 14 января 1931 года. 18 февраля его в числе ещё семерых заключённых отправили из Тихвинской тюрьмы на станцию Званка, отсюда — на Кемский пересыльный пункт (КПП).

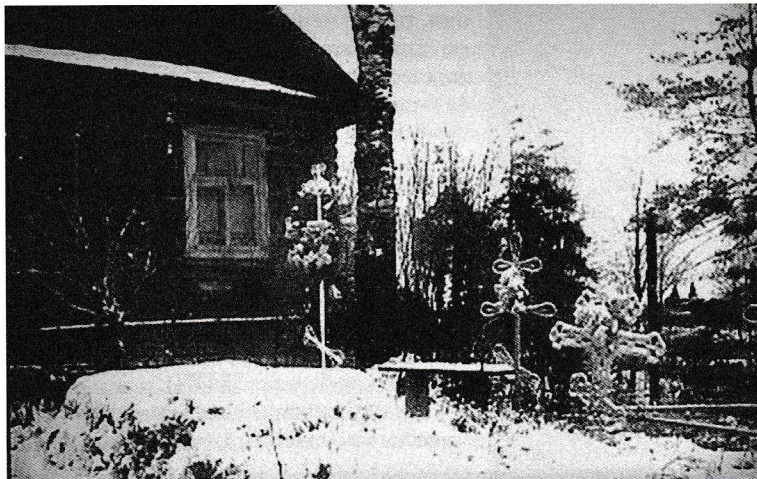
То, с чем сталкивался там вновь прибывший заключённый, описал Александр Исаевич Солженицын: «Это — пересылка в Кемь, унылый, без деревца, без кустика, Попов остров, соединенный

дамбой с материком. Первое, что он видит в этом голом, грязном загоне — карантинную роту (заклочённых тогда сводили в „роты“, еще не была открыта „бригада“), одетую... в мешки! — в обыкновенные мешки: ноги выходят вниз как из-под юбки, а для головы и рук делаются дырки (ведь и придумать нельзя, но чего не одолеет русская смекалка!). Этого-то мешка новичок избежит, пока у него есть своя одежда, но еще и мешков как следует не рассмотрев, он увидит легендарного ротмистра Курилку.

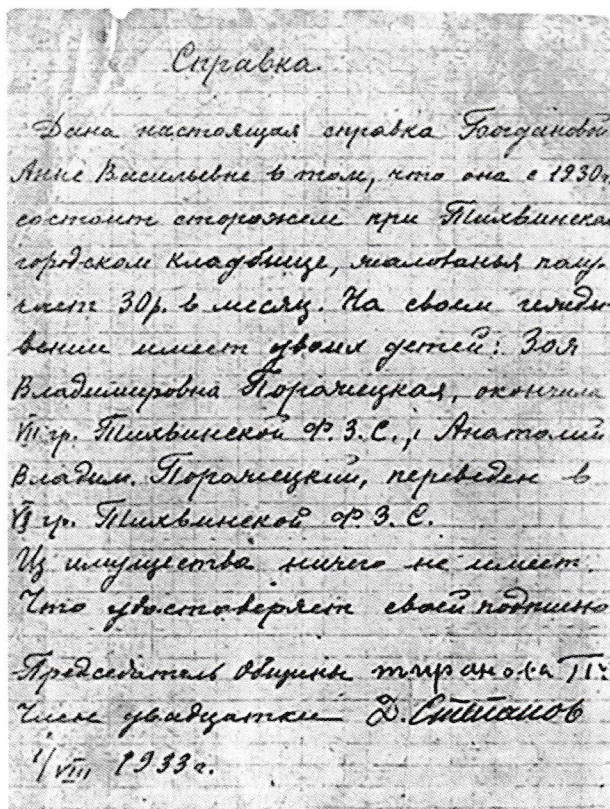
Курилка (или Белобородов ему на замену) выходит к этапной колонне тоже в длинной чекистской шинели с устрашающими чёрными обшлагами, которые дико выглядят на старом русском солдатском сукне — как предвещение смерти. Он вскакивает на бочку или другую подходящую подмость и обращается к прибывшим с неожиданной пронзительной яростью: „Э-э-эй! Внима-ни-е! Здесь республика не со-вец-ка-я, а соловец-ка-я! Усвойте! — нога прокурора еще не ступала на соловецкую землю! — и не ступит! Знайте! — вы присланы сюда НЕ для исправления! Горбатого не исправиль! Порядок будет у нас такой: скажу «встать» — встанешь, скажу «лечь» — ляжешь! Письма писать домой так: жив, здоров, всем доволен! точка!..»¹¹

В аду Соловецких концлагерей дьякону Владимиру Порожецкому довелось провести один год и восемь месяцев. 4 ноября 1932 года на судебном заседании Коллегии ОГПУ было вынесено постановление: «Порожецкого Владимира Петровича досрочно освободить, лишив права проживания в 12 п. Уральской области и местности, из которой был выслан, на оставшийся срок».

Анна Васильевна и дети все годы заключения и ссылки поддерживали его, писали письма, посылали фотографии, которые он бережно сохранил. Семья в это время продолжала жить в кладбищенской сторожке, поскольку Анна Васильевна по-прежнему работала сторожем на кладбище¹². Хотя в списке лишенцев прав на 1933 год адрес местожительства А. В. Порожецкой-Богдановой вновь указан как «ул. Римского-Корсакова, д. 30»¹³ — возможно, что прописываться по месту фактического проживания в сторожке было нельзя.

Кладбищенская сторожка, в которой жили Порожецкие

Справка, выданная А. В. Богдановой в 1933 году

В 1936 году В. П. Порожецкий вернулся из ссылки домой, в ту же кладбищенскую сторожку. Здоровье его было окончательно подорвано. 16 марта 1938 года он умер от воспаления почек. Анна Васильевна похоронила его прямо под окном сторожки.

Владимир Петрович пострадал в годы репрессий безосновательно — 3 октября 1989 года его внучке Ирине выдадут справку о его реабилитации.

Храм Иова Многострадального был закрыт в Тихвине самым последним. Когда В. П. Порожецкий вернулся домой, он был ещё действующим. Служил ли он в нём после возвращения из ссылки, мы не знаем.

Известно лишь, что Порожецкие оставались глубоко верующими людьми. Анна Васильевна прожила в сторожке до 1954–1955 года. Церковь к тому времени уже была закрыта, но на кладбище оставалась маленькая деревянная часовенка, в полумраке которой перед иконой всегда горела лампадка. Огонёк в ней поддерживала Анна Васильевна.

Когда Анне Васильевне было уже около 70 лет, она вместе с дочкой Зоей переехала из сторожки на съёмную квартиру, а затем им дали маленькую однокомнатную квартирку в большом деревянном доме на ул. Советской. До последнего, пока хватало сил, Анна Васильевна прислуживала в церкви «Крылечко». Скончалась она в 84 года и похоронена рядом с мужем и своим отцом. Сторожки давно нет, а могилы остались на своём месте.

Кладбищенская часовня

Дочь Владимира Петровича и Анны Васильевны, Зоя Владимировна Порожецкая, в 1935 году окончила девять классов школы и поступила на краткосрочные педагогические курсы в г. Череповце. В школе она смогла поработать только два года, затем ее уволили из-за социального происхождения и отцовской судимости. После этого Зоя Владимировна до выхода на пенсию работала сначала бухгалтером, а затем заместителем главного бухгалтера Тихвинской конторы Леноблторга.

Сын Анатолий Владимирович Порожецкий после окончания семи классов поступил в школу фабрично-заводского обучения (ФЗО), где получил специальность токаря. В 1940 году был призван в ряды Красной армии — как и отец, он служил на флоте. В годы Великой Отечественной войны служил старшим матросом-радиометристом в зенитном дивизионе ПВО Краснознаменного Балтийского флота¹⁴, был ранен. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией 1941–1945г.», благодарственной грамотой «За отличные боевые действия при форсировании реки Свирь».

Анатолий Владимирович и Тамара Анатольевна Порожецкие

После войны работал токарем на разных предприятиях в Тихвине, имел трудовые награды. На пенсию вышел только в 73 года по состоянию здоровья.

Женат он был на Тамаре Анатольевне (в девичестве Полетаевой) — внучке дьякона Знаменской церкви г. Тихвина Александра Фёдоровича Полетаева. Вместе они вырастили двух дочерей, Ирину и Галину, и помогли в воспитании внучки Марины.

Сыновей в их семье не было, но их дочери, внучки дьякона Владимира Петровича Порожецкого, сохранили его фамилию. Её носят не только они, но и его правнучка Марина, а также её дети — Александр и Эльвира.

¹ Сивеня Д. С. Приходское духовенство Новгородской епархии во второй половине XIX в. М., 2019. С. 165.

² Булина Л. Духовенство Новгородской епархии за 1917 год // Режим доступа: URL: <https://proza.ru/2018/04/02/1624>

³ Новомученики, исповедники, за Христа пострадавшие в годы гонений на Русскую Православную Церковь в XX в. // Режим доступа: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans

⁴ Там же.

⁵ Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. АУД П-77556. Л. 14.

⁶ Список населённых мест Новгородской губернии. Вып. 1. Новгородский уезд. Новгород, 1907. С. 110–111.

⁷ История не по Геродоту // Новгородские ведомости // URL: Режим доступа: <https://novvedomosti.ru/articles/unclassified/39274/>

⁸ История Новгородского епархиального училища // Режим доступа: URL: <http://museum.5322s16.edusite.ru/p11aa1.html>

⁹ Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге (далее — ЛОГАВ). Ф. Р-903. Оп. 5. Д. 11. Л. 12.

¹⁰ Архив УФСБ России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. АУД П-77556. Л. 14 об-15.

¹¹ Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования: сокращённое изд. М., 2017. С. 221–222.

¹² ЛОГАВ. Р-903. Оп. 5. Д. 11. Л. 21.

¹³ Там же. Л. 49

¹⁴ Бессмертный полк // Режим доступа: <https://www.moypolk.ru/soldier/porozhckiy-anatoliy-vladimi-rovich> или https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_yubileinaya_kartoteka1517671409/

С. СТАРШИНИНА

прихожанка Введенского женского монастыря
кандидат педагогических наук,
доцент
г. Тихвин

Фотографии предоставлены автором